

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.31857/S086919080024275-9

Для цитирования: Сабиров Р.Т. [Рец. на:] Munkh-Erdene, Lhamsuren. *The Taiji Government and the Rise of the Warrior State*. Leiden: Brill, 11 Oct. 2021. *Восток (Oriens)*. 2023. № 6. С. 262–267. DOI: 10.31857/S086919080024275-9

For citation: Sabirov R.T. [Review of:] Munkh-Erdene, Lhamsuren. *The Taiji Government and the Rise of the Warrior State*. Leiden: Brill, 11 Oct. 2021. *Vostok (Oriens)*. 2023. No. 6. Pp. 262–267. DOI: 10.31857/S086919080024275-9

MUNKH-ERDENE, LHAMSUREN. *THE TAIJI GOVERNMENT
AND THE RISE OF THE WARRIOR STATE*. LEIDEN: BRILL, 11 OCT. 2021

© 2023

Р.Т. САБИРОВ ^а

^а – Институт стран Азии и Африки МГУ, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-4660-0987; sabirov@iaas.msu.ru

В историографии долгое время господствовало представление о Цинской империи (1636–1912) как преимущественно китайском государстве, которое колонизировало Внутреннюю Азию. В 1980–1990-е гг. сформировалось направление, называемое «новая цинская история» (New Qing History), представители которого подвергли подобный взгляд критике. Основываясь на маньчжурских источниках, исследователи предлагают уйти от синоцентричного взгляда на историю Цин в сторону большей мультикультуры. При таком подходе Китай оказывается лишь одной из частей огромной империи [Ильяхов, 2022].

Автор данной монографии, профессор истории и социальной антропологии Монгольского государственного университета Лхамсурэнгийн Мунх-Эрдэнэ, следуя парадигме «новой цинской истории», предлагает свой, во многом революционный взгляд как на историю Монголии XVI–XVII вв., так и на взаимоотношения монголов с маньчжурами. Основной тезис, который Мунх-Эрдэнэ крайне скрупулезно, шаг за шагом доказывает в своей книге, заключается в том, что империя Цин была маньчжуро-монгольским аристократическим союзом и буддийской монархией. Основываясь на монгольских моделях управления, десятичной системе и доктрине буддийской империи, маньчжуры вместе с монголами создали империю, которая завоевала Китай.

Сразу хочется отметить, что книга написана на изучении широкого круга монгольских, маньчжурских, тибетских, русских и китайских источников, как известных, так и недавно изданных. К последним относятся недавно опубликованные материалы из исторических архивов КНР. Это монгольские документы первой половины XVII в., опубликованные Ли Баовенем в 1997 г. Они раскрывают особенности монголо-маньчжурских отношений до 1636 г. Далее, коллекция монгольских записей и свитков, опубликованные в Хух-Хото в 2003 г.; записи монгольской канцелярии Секретариата Цинской династии, опубликованные

в Хух-Хото в 2005 г. Это более 3000 монгольских и маньчжурских документов, которые охватывают период с 1671 по 1743 гг. Наконец, это собрание документов палаты внешних сношений (Лифаньюань), охватывающие период с 1653 по 1898 гг. Из маньчжурских источников автор использовал «Правдивые записи о маньчжурах» и др.

Книга разделена на 11 глав. Первая глава представляет собой критический историографический обзор основных работ и подходов к анализу истории Цин. Автор полемизирует со сторонниками бюрократически-колониальной модели (N. Di Cosmo), которая пришла на смену аристократически-вассальной (J. Fairbank). Он показывает, как под влиянием ведущих западных историков (N. Di Cosmo, Peter Perdue, Michael Adas) сложилась концепция «маньчжурского колониализма», с помощью которой ученые интерпретировали исторические события XVII в. Истоки этой модели автор усматривает в том, что многие исследователи полагали, что социальное устройство монголов доцинского периода носило племенной характер, а Цины принесли им государственность и цивилизацию [Munkh-Erdene, 2021, p. 51]. Мунх-Эрдэнэ, обращаясь к детальному анализу социально-политических понятий того времени (*хошун*, *тайджэ* и пр.), показывает ошибочность таких представлений. Примечательно, что свою критику он отчасти строит, привлекая сочинения монгольского автора XIX в. Инжинаша. Последний описывал Цинскую империю как маньчжуро-монгольское государство.

Во второй главе автор обращается к анализу маньчжуро-монгольских отношений доцинского периода. В современной историографии есть несколько мнений на этот счет. Первый подход предполагает, что изначально союзнические отношения впоследствии трансформировались в вассалитет монгольских князей (John Fairbank, Hiroki Oka). Йохан Эльверсберг трактует эти отношения как подчинение монгольских улусов маньчжурскому государству в результате репрессивной политики Лигдэн-хана. Никола Ди Космо, в свою очередь, видит их как своего рода покровительство (*tutelage*), то есть монголы пожертвовали автономией в обмен на защиту и протекцию со стороны Цинского государства. Мунх-Эрдэнэ показывает, что отношения между монгольскими и маньчжурскими князьями начинались как двусторонние союзы, которые затем привели к формированию широкой коалиции в 1631 г. Эта коалиция в 1636 г. трансформировалась в монархическую федерацию, основанную на принципах равенства и взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности.

Для монголоведов особый интерес может представлять третья глава. В ней Мунх-Эрдэнэ оспаривает сложившуюся в историографии картину последних лет жизни Лигдэн-хана Чахарского (1588–1634). Согласно официальной маньчжурской истории, Хунтайцзи дважды вторгался на чахарскую территорию в 1632 и 1634 гг., нанес поражение Лигдэн-хану, который бежал и умер от оспы. Автор, в деталях анализируя маньчжурский нарратив и вскрывая его внутренние противоречия, приходит к выводу, что это фальсификация цинских историков, не соответствующая действительности. Ее цель – скрыть тот факт, что Хунтайцзи в действительности потерпел поражение от Лигдэн-хана в 1632 г. Сам же хан – чингисид и единственный законный великий хан династии Северная Юань – пал жертвой заговора, в результате чего возник вакуум власти, который заполнили Цины.

Не менее любопытна и четвертая глава, посвященная политическому устройству монгольских владений XV–XVI вв. Опять же автор подвергает критике бытующее представление о том, что монгольские земли в то время были населены разрозненными племенами. Мунх-Эрдэнэ здесь вводит такие понятия как «правительство тайшей» (*taishi government*) и «правительство тайджей» (*taiji government*). Тайши представляли собой ненаследственных правителей, которые управляли от имени хана-чингисида, чья власть была зачастую номинальной. Даян-хан Бату-Мункэ (1464–1543) вернул власть в руки великого хана, упразднив правление тайшей. Он же разделил монгольские земли между своими сыновьями, пре-

вратив их в княжеские уделы. В результате возникло монархическое содружество шести улусов. Мунх-Эрдэнэ называет его аристократической парламентской конституционной монархией и сравнивает ее со Священной Римской империей. Это и было правительством тайджей, коллегиальным правлением наследных князей.

В пятой главе автор подробнее разбирает устройство этой системы в Халха Монголии. Анализируя тексты 18 степных законов и маньчжуро-монгольских договоров, он доказывает, что такие явления как *хошун*, *чуулган* и *засаг* не были, как принято считать, маньчжурскими нововведениями. Напротив, это были ключевые институты правительства тайджей, возникшие задолго до маньчжуров. Таким образом, мнение о том, что маньчжуры разрушили племенную организацию монголов и внедрили новые социальные институты, оказывается несостоятельным.

Халха первой половины XVII в., по мнению автора, была не племенным образованием, а конституционной монархией, при этом хан не был единоличным правителем, он был обязан следовать закону. Согласно кодексу 1617 г., «если правитель разрушает храм, семь хошунов должны привлечь его к ответственности» [Munkh-Erdene, 2021, p. 204]. Главным законодательным органом, принимавшим законы, был *чуулган* – собрание высших князей. Мунх-Эрдэнэ называет его аристократическим парламентом, поскольку функции *чуулгана* соответствовали функциям парламента [Munkh-Erdene, 2021, p. 207]. Чуулган формировал правительство (*засаг*) из князей, а возглавлял его хан. При этом в каждом хошуне было свое правительство.

В начале шестой главы Мунх-Эрдэнэ задается вопросами: почему Лигдэн-хан разрушил описанное выше государство? Почему монгольские князья жертвуют независимостью в угоду Цин и интронизируют маньчжурского правителя как своего императора? Ответ на эти вопросы, по сути, представляет «радикально новую интерпретацию» формирования Цинской империи. Лигдэн-хан, будучи законным великим ханом и стремясь к централизации своей власти, упразднил правительство тайджей, лишил князей их титулов и прав, провел административную реформу, поставив во главе новых единиц бывших князей, но без права передавать земли по наследству. Другими словами, он заменил аристократическое правление бюрократической системой. Эти меры вызвали серьезное недовольство князей, чем воспользовались маньчжуры. Они начали заключать союзы с этими князьями на основе равенства и взаимного уважения. Лигдэн-хану удалось подавить восстание князей и разбить маньчжуро-монгольскую коалицию. Но проблема была еще в том, что Лигдэн-хан, будучи последователем школы сакья тибетского буддизма, начал гонения на приверженцев школы гелуг. Это многих отвратило от него и привело к заговору. Жена Лигдэн-хана, племянница маньчжурского хана, бежала к Хунтайцзи и передала ему великоханскую печать и танку Махакалы, принадлежавшую еще хану Хубилаю. В результате группа южномонгольских князей интронизировала Хунтайцзи и провозгласила Цин объединенным маньчжуро-монгольским государством.

Седьмая и восьмая главы посвящены административно-политическому устройству Цинской империи. В частности, автор утверждает, что без поддержки монгольских князей маньчжурский император никогда бы не стал Богда-ханом Цинской империи. Монголы восстали против Лигдэн-хана и объединились в союз с маньчжурами, чтобы отстоять свой статус, привилегии и уделы. Маньчжуро-монгольский союз оказался возможен только потому, что он гарантировал монгольской знати сохранение ее прав и равный статус. Автор выделяет «внешних князей», чьи уделы формировали Внешнюю Монголию, и «внутренних князей», чьи владения составляли маньчжурское ханство. Во главе последнего был маньчжурский хан, который также являлся императором всего союза. Во Внешней Монголии не было единого правителя, это было содружество, управлявшееся собраниями

князей. Такая система препятствовала появлению правителя-автократа и сохраняла автономии князей. Это было правление тайджей, которое лежало в основе Цинской власти над монголами.

Доктринальной основой империи была монгольская концепция двух законов (*хоёр ёс*), а Цинский император был воплощением бодхисаттвы, монархом-чакравartiном. Подробно это разбирается в девятой главе, где показаны причины принятия Цинами этой доктрины. Принятие буддизма монгольскими князьями и попытки использовать буддийские концепции времен Монгольской империи побудили Хунтайцзи также укрепить свою легитимность путем апелляции ко временам Хубилая.

Десятая глава посвящена рассмотрению монгольской конфедерации Дучин Дурвун (*Döchin and Dörben*), которая была образована на съезде 44 удельных князей (44 по-монгольски – «дучин дурвун») и религиозных деятелей в 1640 г. Они приняли кодекс законов «Великое уложение» (*Их Цааз*). Конфедерация представляла собой союз суверенных монгольских и ойратских князей. Они не признали власть цинского императора и его претензии на великоханский престол. Таким образом, в середине XVII в. во Внутренней Азии возникли две конкурирующие силы: маньчжуро-монгольская монархическая федерация и конфедерация монгольских князей. После ряда военных столкновений они заключили мирный договор.

Системная слабость Дучин Дурвун заключалась в том, что там отсутствовала сила, которая могла бы следить за соблюдением законов и принимать меры в случае их нарушения. Более могущественные князья стремились подчинить тех, кто слабее, и присоединить их земли. В конце концов в 1687–1688 гг. разгорелся конфликт между ойратским Галдан-Бошогту-ханом и Далай-ламой с одной стороны и Тушету-ханом и Джебдзун-Дамбахутухтой с другой. Это привело к распаду Дучин Дурвун и вхождению халхасских хошунов в состав Цинской империи.

В одиннадцатой главе подробно разбирается политика императора Цяньлуна (1711–1799) в отношении буддизма и института тулку (*хубилганов*).

В заключении Мунх-Эрдэнэ касается событий начала XX в., когда в 1911 г. монгольские князья и ламы провозгласили независимость от Цинской империи. Он показывает, что причиной этого стало нарушение Цинами своих первоначальных соглашений с монголами и принятие «новой политики» в 1901 г. Последняя фактически нарушала изначально равный статус монголов в империи, поэтому провозглашение независимости стало логичным, естественным и – главное – законным решением. Это придает книге особую актуальность, поскольку, она убедительно доказывает, что провозглашение монголами независимости в 1911 г. не было актом сепаратизма и нарушением территориальной целостности Китая, а естественным и правомочным решением, если рассматривать его в историческом контексте.

Данная книга вне всяких сомнений является значительным вкладом как в изучение истории Цинской империи раннего периода, так и истории Монголии. Стоит отметить, что монгольская история XV – первой половины XVII вв. изучена наименее подробно. В этом плане работа Мунх-Эрдэнэ не только восполняет многие пробелы и дает цельную картину происходящего, но и разоблачает ряд мифов и заблуждений, например, касающихся судьбы Лигдэн-хана. В книге большое количество деталей и подробностей, что делает ее ценным пособием по монгольской истории. Важно также то, что автор показывает преемственность между институтами и традициями Монгольской империи и политическими образованиями во Внутренней Азии более позднего периода. Монголы из пассивных объектов маньчжурской колонизации становятся важными участниками исторического процесса и фактически соавторами одной из крупнейших империй Нового времени.

В то же время при внимательном чтении книги нельзя не заметить, что «равенство» монголов и маньчжуров было, скорее, декларируемым, нежели действительным. Маньчжуры в итоге оказались эффективнее в решении возникавших перед ними проблем. Стремление монгольских князей сохранить свои частные уделы и привилегии в конечном счете привело к их разобщенности, убийству законного хана и необходимости заключения союза с Цин. Но автор совершенно прав в том, что они не были пассивными марионетками в чужой игре. Возвращение монголам доцинского периода исторической субъектности и аргументированную критику синоцентричной парадигмы можно назвать главным достижением этой книги.

Основной недостаток книги, возможно, является продолжением ее достоинств. Автор крайне скрупулезно воспроизводит историческую канву событий и не менее детально разбирает теории различных авторов, и в ряде случаев это носит чрезмерный характер и сильно затрудняет чтение. В тексте много повторов – трудно сказать, вызвано это недосмотром редактора или же автор, осознавая сложность материала, полагает, что лучше его повторить несколько раз, но в любом случае они сильно утомляют даже преданного читателя.

Еще хочется обратить внимание на то, что появление такой книги служит наглядным доказательством востребованности, актуальности и необходимости изучения монгольской истории XVI–XIX вв. Это касается как непосредственно событийной ее части, так и теоретического осмысления. Хочется отметить, что отечественные монголисты в XX в. внесли значительный вклад в изучение этого периода. Были переведены и опубликованы важнейшие источники. В 1959–1974 гг. М.И. Гольман и Г.И. Слесарчук ввели в научный оборот материалы по русско-монгольским отношениям [Гольман, Слесарчук, 1959; 1974], которые использовал и Л. Мунх-Эрдэнэ в своей работе. Были переведены летописи «Алтан тобчи» [Лубсан Данзан, 1973] и «Шара туджи» [Шара туджи, 1957], источники о Даян-хане [Горохова, 1986], правовые документы – монгольское уложение Цааджин бичиг [Цааджин бичиг, 1998], «Халха Джирум» [Халха Джирум, 1965], восемнадцать степных законов [Восемнадцать степных законов, 2002] и др. Большой вклад внесли работы И.Я. Златкина [Златкин, 1957; 1964], Т.Д. Скрынниковой [Скрынникова, 1988], А.Д. Цендиной [История Эрдэни-Озу, 1999] и др. Однако в постсоветский период внимание российских монголоведов обратилось к другим периодам и проблемам; в плане концептуального осмысления этого периода отечественные ученые оказались в стороне от общемировых тенденций. Исключением можно назвать статью «Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа» С.В. Дмитриева и С.Л. Кузьмина [Дмитриев, Кузьмин, 2014], в которой авторы пишут об ошибочности отождествления Цинской империи и Китая. Хочется надеяться, что исследования в этой области будут продолжены.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Восемнадцать степных законов. Памятник монгольского права XVI–XVII вв. Перевод с монгольского, комментарий и исследование А.Д. Насилова. СПб.: Издательство «Петербургское востоковедение», 2002 [Eighteen steppe laws. A monument of Mongolian law of the 16th–17th centuries. Translation from Mongolian, commentary and study by A.D. Nasilov. Saint Petersburg: Publishing house “Petersburg Oriental Studies”, 2002 (in Russian)].

Гольман М.И., Слесарчук Г.И. (сост.). *Русско-монгольские отношения 1607–1636 гг. Сборник документов.* Москва: Издательство восточной литературы, 1959 [Golman M.I., Slesarchuk G.I. (compl.). *Russian-Mongolian relations in 1607–1636. Collection of documents.* Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1959 (in Russian)].

Гольман М.И., Слесарчук Г.И. (сост.). *Русско-монгольские отношения 1636–1654 гг. Сборник документов.* Москва: Издательство восточной литературы, 1974 [Golman M.I., Slesarchuk G.I. (compl.).

Russian-Mongolian relations 1636–1654. Collection of documents. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1974 (in Russian)].

Горохова Г.С. *Монгольские источники о Даян-хане*. М.: Наука, 1986 [Gorokhova G.S. *Mongolian sources about Dayan-khan*. Moscow: Nauka, 1986 (in Russian)].

Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л. Империя Цин как Китай: анатомия исторического мифа. *Восток (Oriens)*. 2014. № 1. С. 5–17 [Dmitriev S.V., Kuzmin S.L. The Qing Empire as China: The Anatomy of the Historical Myth. *Vostok (Oriens)*. 2014. No. 1. Pp. 5–17 (in Russian)].

Златкин И.Я. *Очерки новой и новейшей истории Монголии*. М.: Издательство восточной литературы, 1957 [Zlatkin I.Ya. *Essays of the new and modern history of Mongolia*. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury, 1957 (in Russian)].

Златкин И.Я. *История Джунгарского ханства*. М.: Наука, 1964 [Zlatkin I.Ya. *History of the Dzungarian Khanate*. Moscow: Nauka, 1964 (in Russian)].

Илюхов А.А. «Новая цинская история»: маньчжурский поворот в американской историографии. *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. 2022. № 21(10). С. 156–166 [Ilyukhov A.A. “New Qing History”: Manchurian Turn in American Historiography. *Bulletin of Novosibirsk State University*. Series: History, Philology. 2022. No. 21(10). Pp. 156–166 (in Russian)].

История Эрдэни-дзу. Факсимиле рукописи. Пер. с монг., введ., комм. и прил. А.Д. Цендиной. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999 [History of Erdene Zuu. Facsimile of the manuscript. Translation from Mongolian, introduction, comments and appendices by A.D. Tsendina. Moscow: Vostochnaya literatura, 1999 (in Russian)].

Лубсан Данзан. *Алтан тобчи*. Пер. с монг. комм. прилож. Н.П. Шастиной. М.: Наука, 1973 [Lubsan Danzan. *Altan tobchi*. Translated from the Mongolian, with a commentary and appendix by N.P. Shastina. Moscow: Nauka, 1973 (in Russian)].

Скрынникова Т.Д. *Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI – начала XX века*. Новосибирск: Наука, 1988 [Skrynnikova T.D. *Lamaist Church and State. Outer Mongolia XVI – the beginning of XX century*. Novosibirsk: Nauka, 1988 (in Russian)].

Халха Джирум. *Памятник монгольского феодального права XVIII века*. М.: АН СССР, 1965 [Khalkha Jirum. *A monument of Mongol feudal law of the 18th century*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1965 (in Russian)].

Цааджин бичиг («Монгольское уложение»). *Цинское законодательство для монголов 1627–1694 гг.* Введ., транслитер. монг. текста, пер. и коммент. С.Д. Дылыкова. М.: Восточная литература, 1998 [Tsaajin bichig (“Mongolian Statute”). *Qing legislation for the Mongols, 1627–1694*. Introduction, transliteration of Mong. text, translation and comment. S.D. Dylykov. Moscow: Vostochnaya literatura, 1998 (in Russian)].

«Шара туджи» – монгольская летопись XVII века. Сводный текст, пер. введение и примеч. Н.П. Шастиной, М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957 [«The Shara Tuji» – a Mongolian chronicle of the 17th century. A composite text, an introduction and comments by N.P. Shastina, Moscow, Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957 (in Russian)].

Munkh-Erdene L. *The Taiji Government and the Rise of the Warrior State*. Leiden: Brill, 2021.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

САБИРОВ Рустам Тагирович – кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ, Москва, Россия.

Rustam T. SABIROV, PhD (History), Associate Professor, Institute of Asian and African Studies, Moscow State University, Moscow, Russia.